Чжао Жо ошеломленно поднялась на ноги и послушно последовала за ним.

Классный руководитель отвел ее в сторону и в конце концов остановился в каком-то уединенном углу.

— Воровать — это плохо, особенно в твоем возрасте. Вполне нормально, что тебе хочется иметь какие-то вещи, но брать их без спроса — это ужасная привычка… — с расстановкой принялся нравоучать учитель.

Чжао Жо долго хлопала глазами, пока наконец не сообразила, что вообще происходит.

Это случилось, когда она училась в выпускном классе средней школы.

В тот день после урока рисования у одного из учеников пропала целая коробка масляных красок. Узнав об этом, классный руководитель решил, что кто-то в классе совершил кражу, пришел в ярость и велел нескольким старостам начать обыск.

Результат оказался донельзя простым: злосчастную коробку нашли прямо в парте Чжао Жо.

Конечно же, Чжао Жо ничего не крала. Когда она сама увидела ее там, то едва не лишилась дара речи от ошеломления. Однако семья Чжао Жо жила в крайней бедности — настолько бедно, что они не могли позволить себе такие краски, настолько бедно, что… окружающие сразу поверили, будто она воришка.

— Чжао Жо, послушай. Учитель все еще считает, что если ты осознаешь свою ошибку и исправишься, то останешься хорошей девочкой.

Классный руководитель продолжал читать ей нотации.

Со слезами на глазах Чжао Жо упрямо посмотрела на него и чеканя каждое слово произнесла:

— Я ничего не крала.

Учитель на мгновение растерялся, а затем попытался ее успокоить:

— Учитель понимает. Учитель вовсе не хочет сделать хуже, просто думает, что в твоем возрасте еще не поздно свернуть с дурной дорожки…

Словно много лет назад, Чжао Жо смотрела на бегающие глаза учителя, а ее сердце переполняли горькая обида и едкая насмешка. Мысленно она подумала: да ни черта ты не понимаешь.

Если бы ты действительно понимал, то не стал бы сейчас нести эту чушь.

И уж точно не выглядел бы так, будто делает это тебе во благо.

— Я правда ничего не брала! Даже если моя семья не может позволить себе эти краски, я бы никогда не стала воровать у других, — изо всех сил попыталась объясниться Чжао Жо.

Классный руководитель кивнул:

— Учитель верит тебе, но это на всякий случай. Сама понимаешь, это действительно скверная привычка, которая крайне пагубно отразится на всей твоей дальнейшей жизни…

Чжао Жо поджала губы и перевела взгляд на окно: стоило кому-то составить о человеке предвзятое мнение, как любые объяснения становились бессильными и жалкими.

Она отчетливо помнила, как долгое время после того случая учителя и одноклассники смотрели на нее исподлобья.

В этих взглядах не было открытого упрека или ненависти, но сквозило осуждение и жалость, которые обычно обращают на ребенка, ступившего на скользкую дорожку.

А позже об этом узнала даже семья.

Ее родители были простыми работягами без образования и лишних денег, но они обладали добрым сердцем, честным нравом и гордостью в своей бедности. Узнав о слухох, родители несколько раз за ужином смотрели на нее сложным, полным тревоги взглядом, до ужаса боясь, что она зайдет слишком далеко на этой пресловутой кривой дорожке.

Чжао Жо охватило чувство тупика и полнейшего бессилия.

Все вокруг упорно верили в так называемую правду.

Никто не хотел ее слушать.

Никто вроде бы и не был виноват.

Все они желали ей только добра.

Но именно эти фальшиво-заботливые взгляды исподтишка ранили сильнее всего.

И тогда в конце концов она поднялась на крышу.

Ветер там бушевал вовсю, обжигая кожу лица словно лезвиями ножей. Стоя на самом краю и глядя вниз, она помимо головокружительной высоты видела изумленные и сложные выражения на лицах толпы зевак.

Тогда, в силу своего незрелого ума, она выбрала именно такой способ доказать собственную невиновность… но умирать она на самом деле не собиралась!

Однако перила на крыше прогнили от старости и долгих лет без ремонта…

Чжао Жо оступилась, потеряла равновесие и полетела вниз головой, кувыркаясь, словно выдернутая с корнем луковица.

Тогда она вот так нелепо разбилась насмерть, но теперь…

Чьи-то мягкие и сильные руки крепко схватили ее, а затем дюйм за дюймом начали вытягивать наверх. Чжао Жо благодарно заплакала, но, не успев даже разглядеть своего спасителя, уткнулась в теплое и упругое объятие.

Ее онемевшие от ужаса конечности постепенно оттаивали. Подняв заплаканное лицо, она увидела своего благодетеля — и тот оказался улыбающимся чайным яйцом…

Чайным яйцом?!

Чжао Жо всем телом резко вздрогнула.

Это яйцо было равномерно окрашено в коричневый цвет, а улыбка на нем не была настоящей — ее будто нарисовали от руки: глаза напоминали две кривые толстые брови, а рот представлял собой грубый кружок, растянутый в горизонтальный овал…

Лицо Чжао Жо, еще мгновение назад тронутое до глубины души, моментально почернело.

Чжао Жо очнулась от кошмара.

Ай Чи неторопливо лущил скорлупу с чайного яйца, даже не поднимая головы.

Чжао Жо со сложным выражением смотрела на него, как вдруг одна слезинка скатилась по ее щеке и упала на тыльную сторону ладони, разбившись на две половины.

Она ошеломленно подняла руку и нащупала на лице целый поток слез:

— Ты…!

Выражение лица Ай Чи оставалось невозмутимым. Он поднял взгляд, бросил на нее короткий мимолетный взор и произнес:

— Твое лицо зажило.

Чжао Жо: ?!..

О, черт, черт, черт!

А-а-а, эта сестричка просто красавица! В этот момент я стал девушкой!

Стример и сестричка смотрятся просто идеально… Объявляю эту свадьбу состоявшейся!

У сестрички есть парень? Я, конечно, человек скромный, но в Пекине и Шанхае как раз имею с десяток квартир, не желаете рассмотреть мою кандидатуру?

Появился богач! Папочка-толстосум, возьмите меня на содержание!

Стоило Чжао Жо явить миру свои яркие утонченные черты лица, чарующие брови и глаза в сочетании с выражением готового сорваться с ресниц плача, как у любого видевшего ее екало сердце, а сами они сожалели лишь о том, что не встретили ее раньше.

Она затмевала Линь Цинся.

Она в пух и прах разбивала Чэн Манъюй.

— Твоя одержимость развеялась, и теперь твоя душа больше не скована узами прошлой жизни,

поэтому ты вернула свой истинный облик, — на губах Ай Чи появилась легкая улыбка. — Ты очень красива.

Чжао Жо недоверчиво пощупала собственные щеки — кожа оказалась мягкой и упругой, точь-в-точь как у живого человека.

При жизни Чжао Жо было всего чуть за десять, и ее лицо должно было сохранять детские черты, но то ли целебный эффект чайного яйца оказался слишком сильным, то ли по какой-то иной причине, только теперь в ее облике не осталось и следа юношеской угловатости — напротив, от нее исходил чарующий женственный шарм.

http://bllate.org/book/26421/3163085